

ВЗГЛЯДЪ Васманна на происхождение человѣка.

Судьба многихъ научныхъ теорій является блестящимъ подтвержденіемъ ученія Гегеля о діалектическомъ процесѣ. Когда я впервые читаль книги объ электричествѣ (въ семинаріи, гдѣ я обучался, электричества не проходили), я встрѣчалъ вездѣ ясно выраженное положеніе, что электрическая энергія находится въ проводникахъ. Когда потомъ я слушалъ курсъ физики въ московскомъ университетѣ, проф. Столѣтовъ, руководясь главнымъ образомъ Жуберомъ, развивалъ передъ слушателями теорію, что электрическая энергія находится *въ* проводниковъ и что мы называемъ проводниками то, что на самомъ дѣлѣ абсолютно непроницаемо для электричества. Въ книгахъ объ электричествѣ, выходящихъ теперь, обыкновенно утверждается, что электричество находится вездѣ, сама матерія имѣетъ электрическую природу и среда представляетъ собою электрическое поле. На этомъ примѣрѣ мы можемъ видѣть, какъ идея приблизительно въ теченіи четверти вѣка прошла три фазы діалектическаго процесса. Сначала—тезисъ, утвержденіе: электричество находится въ проводникахъ, затѣмъ—антитезисъ, отрицаніе: электричества нѣтъ въ проводникахъ. Наконецъ—синтезисъ, такъ сказать, соглашеніе: электричество находится отчасти въ проводникахъ, отчасти внѣ ихъ. Можно привести много примѣровъ, иллюстрирующихъ теорію Гегеля. Но въ этомъ для насъ нѣтъ нужды. Поучительнѣе для насъ сопоставить взгляды Гегеля съ сужденіемъ Агассица объ отношеніи научныхъ теорій къ религіи и морали. По Агассицу, исторія этихъ отношеній обыкновенно тоже проходитъ

три фазы. Когда является новое учение, о немъ по Агассицу говорятъ: „это противно религіи и нравственности“. Такова первая фаза. Во вторую фазу ничего не говорятъ. Въ третьей фазѣ, когда случится, что эту научную теорію станутъ развивать передъ представителями религіи и морали, послѣдніе заявляютъ: „это давно всѣмъ извѣстно“. Такъ Агассицъ, какъ и Гегель, въ концѣ концовъ приходитъ къ синтезису.

Назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ русскій дарвинистъ Тимирязевъ въ своей публичной лекціи „опровергнуть ли дарвинизмъ?“ высказалъ предположеніе, что конфликтъ между богословіемъ и дарвинизмомъ уладится, какъ уладились конфликты богословія съ астрономіей и геологіей. Я лично никогда не допускалъ и не допускаю мысли, чтобы Дарвина можно было согласить съ Евангеліемъ. Но я долженъ сознаться, что въ нѣкоторомъ смыслѣ пророчество московскаго ботаника стало осуществляться. И у насъ на Руси имѣются люди, которые пытаются соглашать свои дарвинистическія убѣжденія съ православной вѣрой. И въ католическомъ мірѣ явились ученые, готовые допустить въ нѣкоторой мѣрѣ происхожденіе человѣка отъ животныхъ типовъ. Что касается до русскихъ опытовъ соглашенія, то для нихъ самое лучшее, если ихъ не будутъ разсматривать. Этого нельзя сказать о католическихъ опытахъ. Тамъ вопросъ о признаніи эволюціонной теоріи выдвигался постепенно и коллективно. Его обсуждали люди компетентные и въ богословіи и въ зоологіи. Тамъ старались не упустить изъ виду ни естественнонаучныхъ, ни богословскихъ трудностей проблемы. Капитальной работою посвященною вопросу является въ настоящее время книга іезуитскаго патера Васманна—*Die moderne Biologie und die Entwicklungstheorie* (Dritte Auflage, Herder, 1906). Васманнъ—зоологъ по специальности, онъ извѣстенъ своими работами по энтомологіи (напримѣръ, о *Dinarda*, о психическихъ способностяхъ муравьевъ). Идеи Васманна нашли себѣ сочувствіе у французскихъ католиковъ и *Revue pratique d'apologétique* посвятило нѣсколько статей обсужденію ихъ съ богословской точки зрѣнія. Повидимому онѣ произвели впечатлѣніе и на нѣкоторыхъ людей свободомыслящихъ. Такъ Морицъ Гёрнесъ въ своемъ обширномъ двухтомномъ трудѣ „*Natur-und Urgeschichte des Menschen* (Wien und Leipzig, 1909)“ при обсужденіи вопроса о

происхожденіи человѣка пытается привлечь на сторону теории эволюціи блаженнаго Августина, очевидно пользуясь книгою Васманна. Но за всѣмъ тѣмъ, допуская возможность уступокъ съ своей стороны для теории эволюціи, Васманнъ не добился того, чтобы противники христіанства во имя теории эволюціи съ ихъ стороны допустили возможность уступокъ христіанству. Въ 1907 г. Васманнъ велъ объ этомъ публичныя дебаты въ Берлинѣ, которые потомъ и опубликовалъ въ своей книжкѣ „Der Kampf um das Entwicklungsproblem in Berlin (Freiburg im Breisgau, 1907)“. Его рѣчи, въ которыхъ было много основательнаго и которыя были ясны и просты, оказались безусловно недоступными пониманію послѣдователей Дарвина и Геккеля. Какъ будто вмѣстѣ съ дарвинистическими и геккелевскими теоріями имъ сообщился какой то умственный дальтонизмъ, дѣлающій ихъ не восприимчивыми ко многому въ умственной и ко всему въ религіозной сферѣ. Думается, что этотъ дальтонизмъ можетъ исчезнуть у нѣкоторыхъ (у многихъ онъ будетъ существовать всегда) лишь тогда, когда дарвинизмъ и геккелизмъ сдѣлаются достояніемъ исторіи. Васманнъ какъ будто готовъ смотрѣть иначе.

Изложимъ и потомъ попытаемся оцѣнить его воззрѣнія.

1.

Постановка вопроса о происхожденіи человѣка, по Васманну.

Теорія происхожденія животныхъ и растительныхъ видовъ путемъ эволюціи естественно вызываетъ вопросъ: можетъ ли происхожденіе человѣка быть изъято изъ общаго закона? и очень многіе ученые отвѣчаютъ, что такое изъятіе не можетъ быть допущено, что животное происхожденіе человѣка очевидно. Это утвержденіе, говоритъ Васманнъ, покоится на двухъ молчаливыхъ предположеніяхъ, 1) что зоологія есть единственная наука, рѣшающая вопросъ о происхожденіи человѣка и 2) что животное происхожденіе человѣка фактически уже доказано зоологіей. Оба эти предположенія нужно изслѣдовать.

Рѣшить вопросъ о происхожденіи человѣка значитъ рѣ-

шить вопросъ не только о происхожденіи его тѣла, но и вопросъ о происхожденіи его души. Кромѣ зоологіи слѣдовательно къ обсужденію вопроса должна быть привлечена психологія. Сравненіе нашей духовной жизни съ проявленіями душевной жизни животныхъ показываетъ между ними безконечное различіе. У животныхъ нѣтъ способности абстракцій и поэтому нѣтъ и свободы воли, у нихъ нѣтъ разумнаго способа выраженія ощущеній и чувствъ въ формѣ языка, вмѣстѣ съ отсутствіемъ разума у нихъ исчезаетъ возможность науки, религіи, морали. Одинъ только человекъ владѣетъ чувственно-разумною душою, которая существенно отлична отъ просто чувственной души животныхъ.

Сторонники зоологической точки зрѣнія чрезвычайно просто и смѣло рѣшаютъ вопросъ о происхожденіи душевныхъ свойствъ человека. То особенное, что заключается въ человѣческомъ духѣ, по ихъ теоріи въ зачаточномъ состояніи имѣется у животныхъ и развилось изъ этихъ психическихъ зародышей животныхъ. По поводу этого взгляда Васманнъ приводитъ разсужденіе Карла Эрнеста Бэра. „Пусть кто-нибудь слышитъ играющій рогъ, можетъ быть припоминаетъ мелодію, но естественно онъ не можетъ допустить, чтобы рогъ игралъ самъ собою. Тогда ему говоритъ червь, находившійся внутри рога, когда послѣдній началъ играть. „Мелодія? Глупый инструментъ! Я сильно почувствовалъ ужасный порывъ вѣтра, выбросившій меня изъ рога.“ Но паукъ, который сидѣлъ на рогу, заявляетъ: „никакой мелодіи, никакого бурнаго вѣтра, въ рогу возникли колебанія то быстрое, то медленѣе, которыя я явственно чувствовалъ“. Оба—и червь и паукъ—правы съ своей точки зрѣнія, но оба они совершенно не владѣли чувствомъ мелодіи. Представимъ себѣ теперь далѣе, что какой-нибудь путешественникъ во внутренности Африки потерялъ потную тетрадь. Бушменъ находитъ ее и усматриваетъ въ ней просто связку сухихъ листьевъ. Обращавшійся съ европейцами готтентотъ признаетъ въ ней бумагу, европейскій колонистъ—записную книжку. Музыкально образованный человекъ находитъ въ ней увертюру Моцарта къ „Волшебной флейтѣ“ или симфонію Бетховена“. „Такъ, говоритъ Бэръ, происходитъ съ изслѣдованіемъ духовнаго“. „Кто не имѣетъ склонности и способности къ изслѣдованію духовнаго, тотъ пусть его и не

изслѣдуетъ; только пусть онъ и не берется судить о немъ а довольствуется знаніемъ своего „я“. Да, натуралистъ имѣеть право остановиться передъ границами духовнаго, потому что здѣсь прекращается вѣрный путь его изслѣдованій, и его надежные руководители—масштабъ, вѣсы и внѣшнія чувства—оставляютъ его. Но онъ не имѣеть права сказать: такъ какъ я здѣсь ничего не вижу и ничего не могу измѣрить, то здѣсь ничего и не можетъ быть, или: только тѣлесное, измѣримое имѣеть дѣйствительное существованіе, такъ называемыя духовныя явленія возникаютъ изъ тѣлесныхъ, являются ихъ свойствомъ или атрибутомъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ судилъ бы какъ готтентотъ, который хорошо видѣлъ линіи и точки, но не видѣлъ никакой музыки, или какъ ученый паукъ, который вычислялъ вибраціи рога, но не слыхалъ никакой мелодіи“.

Такъ какъ, говоритъ Васманнъ, душа человѣческая разумна и поэтому отличается отъ души животныхъ не по степени, а по существу, то она могла явиться только вслѣдствіе творческаго акта, а не путемъ развитія, вотъ почему такой выдающійся представитель дарвинизма, какъ Альфр. Россель Уоллесъ, высказался противъ возможности духовнаго развитія человѣка изъ животнаго царства. Но душа и тѣло человѣка представляютъ одно существо, вслѣдствіе этого весь человѣкъ занимаетъ исключительное мѣсто въ природѣ. Отсюда съ философской точки зрѣнія нельзя ничего возразить противъ предположенія, что происхожденіе человѣка обязано творческому акту.

Человѣкъ становится человѣкомъ по причинѣ своей разумной души, и поэтому созданіе перваго человѣка произошло, когда была создана его разумная душа и соединена съ „тѣломъ изъ земли“. Мы можемъ спокойно допустить, что Богъ при этомъ актѣ соединенія пользовался матеріей естественными причинами подготовленной къ такому акту. Повидимому это допускалъ Августинъ. Мы представляемъ нашимъ атеистическимъ противникамъ рисовать себѣ Бога, какъ горшечника въ человѣческомъ образѣ вылѣпляющаго тѣло Адама изъ глины и потомъ вдыхающаго душу въ его лицо. Этотъ антропоморфный способъ представленія уже Августинъ обозначилъ, какъ *pinium puerilis cogitatio* (слишкомъ дѣтскій способъ пониманія).

Мы хорошо знаемъ, что способъ выраженія священнаго Писанія нужно разсматривать какъ образный, но мы не знаемъ, какими свойствами обладала та матерія, которую Богъ употребилъ въ творческомъ актѣ для соединенія съ первою человѣческою душою. Въ понятіе творенія нѣтъ необходимости заключать мысль, что весь человѣкъ былъ непосредственно созданъ Богомъ. Тѣло и душа могли быть созданы различнымъ образомъ, первое—посредственно, вторая—непосредственно. Относительно творенія человѣческаго тѣла достаточно допустить, что его атомы первоначально созданы Богомъ и что законы, по которымъ изъ этихъ атомовъ образовалось человѣческое тѣло, первоначально были заложены въ матерію всемогуществомъ Творца. Поэтому мы и теперь можемъ сказать съ полнымъ правомъ о каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, что онъ есть всецѣло созданіе Божіе, какъ по душѣ, такъ и по тѣлу, хотя непосредственно создана только душа, а тѣло образовалось естественнымъ образомъ изъ зародышевыхъ родительскихъ клѣточекъ.

Относительно созданія человѣка Васманну представляются двѣ возможности: или Богъ прямо создалъ всего человѣка въ совершенномъ состояніи, или *Богъ при возведеніи къ бытію перваго человѣка, какъ и при образованіи прочихъ естественныхъ существъ, пользовался естественными факторами, насколько они могли содѣйствовать происхожденію перваго человѣка.* Въ послѣднемъ смыслѣ Васманнъ, опираясь на авторитетъ и руководство Кнабенбауера (S. J.), толкуетъ воззрѣнія блаженнаго Августина. Вопросъ о сотвореніи человѣка Августинъ обсуждаетъ въ трактатѣ *De Genesi ad literam. L. 1* (Migne, Patrol. lat. XXXIV).

Божественная дѣятельность при образованіи человѣческаго тѣла отличается ли отъ той, которою были образованы тѣла животныхъ? Книга Бытія повидимому утверждаетъ это различіе, представляя, что животныя явились по божественному приказанію, по Его слову, между тѣмъ какъ человѣкъ былъ прямо образованъ Имъ. Но говоритъ Августинъ, здѣсь нѣтъ дѣйствительнаго различія. Богъ сотворилъ человѣка, какъ и міръ, своимъ словомъ, которымъ сотворено все (Іоан. 1, 3). Но какъ Его слово, Его мудрость и Его могущество на самомъ дѣлѣ одно и то же, такъ и Его рука не есть видимый членъ, но обозначаетъ собою способность творить.

Человѣкъ отличается отъ животныхъ не тѣмъ, что его тѣло создано особеннымъ образомъ, а тѣмъ, что онъ созданъ по образу Божію.

И кромѣ того нѣкоторыя мѣста священнаго текста повидимому уничтожаютъ то различіе, которое подсказывается первою главою книги Бытія. О животныхъ, отмѣчаетъ Августинъ, точно также говорится, что они образованы изъ земли. „Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ, и привелъ (ихъ) къ человѣку, чтобы видѣть, какъ онъ назоветъ ихъ“ (Быт. 2, 19). Васманнъ пользуется здѣсь не вульгатою, а текстомъ LXX).

Наконецъ, повидимому изъ трактата Августина можно извлечь болѣе опредѣленный аргументъ въ пользу распространенія теоріи эволюціи на человѣческое тѣло. Правда, мысль Августина здѣсь довольно темна и не допускаетъ безспорнаго толкованія. По возрѣніямъ его міръ былъ сотворенъ мгновенно, но не такъ, чтобы всѣ роды бытія—органическаго и неорганическаго—съ перваго мгновенія явились въ состояніи того совершенства, къ которому были предназначены, не такъ въ частности, чтобы человѣкъ жилъ съ перваго момента возникновенія міра. Нѣтъ; утверждая мгновенное созданіе міра, Августинъ хочетъ сказать, что матерія съ перваго мгновенія была надѣлена такою силою, что различные типы существъ и человѣческое тѣло безъ новаго вмѣшательства творца сами должны были образоваться изъ нея во время отъ начала предопредѣленное Богомъ. Это—знаменитая теорія сѣменныхъ причинъ. Созданіе разумной души стоитъ внѣ процесса, производимаго этими причинами.

Какъ католикъ, Васманнъ хочетъ найти опору для распространенія теоріи эволюціи на происхожденіе человѣческаго тѣла въ величайшемъ католическомъ авторитетѣ—Томѣ аквинскомъ (*Summa theolog.* 1, q. 118, a. 2 ad 2; *contra gentes* 1, 2, c. 89; *De potent* q. 3, a. 9). Тома развивалъ теорію о трехъ типахъ души. Есть душа растительная, есть душа чувственно-растительная и наконецъ, есть душа разумная. Человѣкъ въ его эмбриональномъ состояніи сначала владѣетъ лишь душою растительною, т. е. душою не имѣющею ощущеній, только обуславливающей органическую жизнь. Во второй стадіи развитія у человѣка является животная душа и наконецъ въ третьей стадіи онъ пріобрѣтаетъ душу

разумную. У Θомы аквинскаго эта рѣчь о трехъ душахъ имѣеть въ виду каждаго человѣка. Васманнъ находитъ возможнымъ приложить эту теорію къ исторіи человѣчества. Сначала былъ нѣкоторый родъ организмовъ, жившій только растительною жизнью, потомъ изъ нихъ вышелъ родъ, обладавшій животною душою; далѣе, этотъ родъ развился въ такую форму, въ какую Богъ вложилъ разумную душу. Человѣкъ сталъ человѣкомъ по этому предположенію только въ моментъ созданія разумной души. Но и въ предшествующихъ стадіяхъ онъ никогда не былъ просто растеніемъ или просто животнымъ, но уже былъ человѣкомъ въ процессѣ становленія, потому что какъ въ индивидуальномъ развитіи конечная форма представляется какъ *forma specifica*, опредѣляющая собою сущность всего процесса развитія, такъ это должно быть и въ гипотетическомъ развитіи рода. Все развитіе человѣка происходило бы тогда въ одномъ и томъ же родѣ „человѣкъ“, хотя естественно-научная систематика и классифицировала бы предшественниковъ человѣка, какъ особые виды, роды и т. д. При такомъ способѣ происхожденія человѣческаго тѣла достоинство человѣка сохранилось бы не менѣе, чѣмъ при допущеніи прямого образованія его изъ неорганической матеріи. Иначе было бы несогласно съ достоинствомъ человѣка то, что его тѣло и теперь образуется черезъ развитіе сѣмени изъ оплодотворенной яйцеклѣтки. Но всѣмъ этимъ соображеніямъ Васманнъ придаетъ лишь чисто спекулятивное значеніе, потому что между теоретическою возможностью и фактической дѣйствительностью подобнаго способа происхожденія остается цѣлая бездна.

Васманнъ резюмируетъ все предшествующее разсужденіе такимъ образомъ.

Зоологія съ правомъ можетъ разсматривать человѣка по его тѣлесной сторонѣ, какъ высшаго представителя класса млекопитающихъ. То же самое имѣеть значеніе относительно развитія человѣка изъ сѣмени, совершающагося аналогично съ развитіемъ другихъ млекопитающихъ. Точно также въ развитіи чувственныхъ способностей душевной жизни человѣкъ является высшимъ представителемъ рода млекопитающихъ, потому что его мозгъ организованъ совершенно такъ же и развитъ выше, чѣмъ мозгъ остальныхъ представителей

класса. До этого пункта зоологія и примыкающая къ ней сравнительная физиологія нервной системы вполне компетентны. Философія можетъ прибавить, что разсматриваемое само въ себѣ происхожденіе человѣческаго тѣла согласно теоріи развитія нельзя считать невозможнымъ. Но зоологія съ ея вспомогательными науками совершенно некомпетентна въ вопросъ, какую природу и какое происхожденіе имѣеть разумная человѣческая душа, потому что этотъ вопросъ лежитъ внѣ рамокъ зоологическаго изслѣдованія. Изъ этого слѣдуетъ, что зоологія некомпетентна въ вопросъ о происхожденіи всего человѣка, какъ такового. Ея компетентность ограничивается соматическою стороною вопроса и здѣсь она не можетъ дать рѣшительнаго сужденія, потому что душа и тѣло въ человѣкѣ соединены въ одну субстанцію. Вопросъ о происхожденіи человѣка оказывается смѣшаннымъ. При отвѣтѣ на него первое мѣсто принадлежитъ психологіи, такъ какъ она занимается высшею стороною человѣка, между тѣмъ какъ зоологіи и ея вспомогательнымъ наукамъ принадлежитъ лишь второй голосъ, такъ какъ ея приговоръ можетъ касаться только низшей стороны человѣка. Психологія говоритъ намъ: высшая сторона человѣка не можетъ имѣть животнаго происхожденія. Тогда для зоологіи и ея побочныхъ вѣтвей остается дать отвѣтъ на вопросъ: можно ли, не смотря на это, допустить животное происхожденіе для низшей стороны человѣческаго существа?

2.

Критика Васманномъ естественно-научныхъ основаній эволюціоннаго происхожденія человѣка.

Васманнъ обсуждаетъ зоологическую сторону вопроса о происхожденіи человѣка. Спрашивается, какъ обстоитъ дѣло съ фактическими доказательствами тѣлеснаго происхожденія человѣка отъ животныхъ предковъ? И Васманнъ отвѣчаетъ: очень плохо, крайне неудовлетворительно.

Дарвинисты разсуждаютъ иначе. Видерегеймъ въ 1887 г. выпустилъ книгу *Der Bau des Menschen als Zeugniß für seine Vergangenheit* (строеніе человѣка, какъ свидѣтельство о его прошломъ) и въ 1902 г. вышло ея третье изданіе. Если по-

вѣрить Видерегейму, то человѣкъ настоящаго только мозаическій образъ составленный изъ животноподобныхъ частей и рудиментарныхъ органовъ, которые онъ наслѣдовалъ отъ своихъ высокоблагородныхъ предковъ. Въ человѣческомъ тѣлѣ не оказывается органа, который по Видерегейму не свидѣтельствовалъ бы о животномъ происхожденіи человѣка. До мельчайшихъ штриховъ онъ описываетъ нечеловѣческаго предшественника человѣка. Онъ знаетъ, каковъ былъ у того волосяный покровъ, какова была его кожная мускулатура, какъ велики были его двигающіяся ушныя раковины; онъ знаетъ, что наши глаза смотрѣли тогда не впередъ, но помѣщались по бокамъ головы и что для восполненія этого ихъ недостатка существовалъ еще третій глазъ на верхней части головы, который мы теперь называемъ шишковидной железой. Видерегеймъ нашелъ и вымѣрилъ, что кишечный каналъ у дочеловѣческихъ предковъ былъ гораздо длиннѣе, чѣмъ въ настоящее время, и былъ приспособленъ исключительно къ перевариванію растительной пищи. Слѣдя за судьбами своего протѣже, Видерегеймъ представляетъ, какъ изъ травояднаго онъ превратился въ всеяднаго и большое число его рѣзцовъ стало коренными зубами, онъ сталъ плотояднымъ и его кишечный каналъ укоротился соотвѣтствующимъ образомъ. Прежде чѣмъ рука человѣка научилась размахивать каменнымъ топоромъ, его оружіемъ было умѣнье кусаться, причемъ его чудовищныя клыки являлись естественными кинжалами. Вмѣстѣ съ этимъ у предшественника человѣка развились громадные гортанные мѣшки, которые сообщили его голосу страшную мощность и силу и сдѣлали его средствомъ возбуждающимъ ужасъ во врагахъ. Такъ подробно—черта за чертою—описываетъ Видерегеймъ своихъ или его предковъ. Гаманнъ и Ранке („Человѣкъ“, имѣется въ русскомъ переводѣ) показали полную фантастичность этого описанія.

Фрицъ Мюллеръ установилъ и Эрнестъ Геккель потомъ развилъ основной биогенетическій законъ, согласно которому индивидуумъ въ своемъ эмбриональномъ развитіи проходитъ въ быстромъ послѣдовательномъ рядѣ всѣ тѣ ступени, которыя его предки прошли въ своей родовой исторіи. Онтогенія отражаетъ въ себѣ филогенію. Индивидуальное развитіе отражаетъ въ себѣ исторію рода. Руководясь этимъ прин-

ципомъ, Геккель написалъ антропогенію. Одноклѣточная стадія человѣческаго яйца есть повтореніе жизни одноклѣточныхъ монеръ и амебъ (монеры представляютъ собою лишь кусокъ протоплазмы, у амебы въ протоплазмѣ имѣется ядро), дальнѣйшія стадіи отражаютъ въ себѣ жизнь зинамебіевъ (нѣсколькочлѣточныхъ организмовъ), планеадъ (мерцающихъ существъ снабженныхъ ртомъ), гастрей, представлявшихъ собою кишечный каналъ съ двумя отверстиями—для приѣма пищи и ея удаленія. Далѣе человѣческой зародышъ воспроизводитъ собою архемнитеса—первочервя (организмъ съ первыми слѣдами нервной системы), потомъ онъ воспроизводитъ типъ мягкихъ червей (съ кровью и внутренними полостями), послѣ этого онъ воспроизводитъ типъ своихъ предковъ хордоній (организмовъ снабженныхъ спинною мозговою струной). Хордоніями оканчивается рядъ безпозвоночныхъ предковъ человѣка. Эмбриологія показываетъ, что далѣе предками человѣка были безчерепныя, представителями которыхъ въ настоящее время является ланцетикъ (*amphioxus lanceolatus*), непарноносыя (изъ нынѣ живущихъ организмовъ къ нимъ наиболѣе близки круглоротыя рыбы), зелахіи (сходны съ теперешними косоротыми), дипневты (плавательный пузырь у нихъ сталъ преобразовываться въ легкія), зоцобранхіи (имѣвшія легкія и жабры), зоцуры (сначала имѣвшія жабры, но потомъ ихъ терявшія, какъ теперешнія лягушки), протамніи-первоамніоты (представлявшіе собою промежуточное звено между саламандрами и ящерицами). Послѣ этого, поучаетъ насъ эмбриологія, освѣщенная біогенетическимъ закономъ Геккеля, предки наши приблизились къ типу млекопитающихъ. Сначала явились проматаліи—первомлекопитающія (приближающіяся къ теперешнимъ птицевѣрвямъ—къ утконосу), отъ нихъ произошли сумчатыя, отъ сумчатыхъ—полуобезьяны, отъ полуобезьянъ—хвостатыя обезьяны. За ними послѣдовали человѣкообразныя обезьяны, обезьяноподобные люди и, наконецъ, явился *homo sapiens*.

Если бы біогенетическій законъ существовалъ дѣйствительно, то и тогда приложеніе его къ человѣку, по мысли Васманна, было бы произвольнымъ; но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ этотъ законъ? Представляетъ ли индивидуальное развитіе cadaго существа только сокращенное повто-

рение его родовой исторіи? Нѣтъ, исключенія изъ этого закона гораздо многочисленнѣе, чѣмъ осуществленіе предполагаемаго правила. Большая часть стадій индивидуальнаго развитія не согласуется съ гипотетическими ступенями развитія родового. Геккель не совсѣмъ забылъ объ этомъ, но онъ вздумалъ спасти свою теорію, признавъ два различныхъ элемента въ исторіи индивидуальнаго развитія—палингенезію (*πάλιω—γένεσις*), воспроизводящую родовое развитіе, и кеногенезію (*καινή—γένεσις*), представляющую отступленія отъ родовой исторіи. Эта кеногенезія является по Геккелю какимъ то обманнымъ элементомъ въ исторіи развитія допускаемымъ природою подъ давленіемъ требованій приспособленія, которому подчинены сѣмена различныхъ организмовъ. Но конечно, говорить Васманнъ, не природа лжесвидѣтельствуеъ о своихъ законахъ, а эти мнимые законы являются ложью ихъ тенденціознаго изобрѣтателя.

На самомъ дѣлѣ каждымъ индивидуальнымъ развитіемъ заправляютъ три слѣдующіе фактора. Во 1) общіе законы органическаго роста (оэдрѣваніе, каріокинезисъ — процессъ состоящій въ раздѣленіи ядра и клѣточки и перераспредѣленіи ея элементовъ, имѣющей своимъ слѣдствиемъ образованіе изъ одной клѣточки двухъ, дѣленіе клѣтокъ). Во 2) спеціальныя пути, которыми опредѣляется ростъ организма, обусловливаемые его происхожденіемъ, т. е. наслѣдственностью. Въ 3) спеціальныя пути для роста организма, обусловливаемые приспособленіемъ организма къ внѣшнимъ вліяніемъ и равно потомъ фиксируемые наслѣдственностію. Биогенетическій законъ есть искусственно изолированный отъ другихъ второй изъ этихъ факторовъ и провозглашенный независимымъ закономъ. Неосновательность этой претензіи была указываема неоднократно. Васманнъ указываетъ въ подтвержденіе этого на работу J. Reinke—*Studien zur vergleichenden Entwicklungsgeschichte der Laminariaceen*. Ламинаріація—бурыя водоросли, обитающія въ холодныхъ и умеренныхъ моряхъ, развитіе ихъ Рейнке противопоставляетъ требованіямъ биогенетическаго закона.

Васманнъ не отрицаетъ того, что развитіе человѣческаго зародыша представляетъ нѣкоторое неопредѣленное сходство съ извѣстными стадіями животной жизни, но онъ считаетъ это понятнымъ само собою, такъ какъ развитіе сѣмени

по его внутренней природѣ и по законамъ роста необходимо должно идти отъ простаго къ сложному, отъ общаго къ частному. Исходнымъ началомъ развитія организма должна быть одноклѣточная стадія и затѣмъ зародышъ долженъ проходить различныя многоклѣточныя стадіи постепенно приближающія его къ конечной цѣли развитія. Развитие эмбриона въ различные моменты должно имѣть различныя степени совершенства, пока не будетъ достигнута цѣль развитія. Всѣ эти измѣненія въ развитіи могли бы слѣдовать также, если и не предполагать никакой исторіи развитія. Какъ же можно утверждать вмѣстѣ съ Геккелемъ, что развитіе человѣческаго зародыша есть очевидная рекапитуляція его родовой исторіи? Это просто фантазія.

Въ индивидуальномъ развитіи нѣкоторыхъ животныхъ есть стадіи, которыя на самомъ дѣлѣ могутъ быть объясняемы лишь какъ результатъ родовой исторіи. Такъ въ индивидуальномъ развитіи придатковъ брюшка *Termitoxenia*, принадлежащихъ къ роду термитофильныхъ двукрылыхъ, замѣчается появленіе дѣйствительныхъ крыльевыхъ жилокъ, которыя объясняются тѣмъ, что предки *Termitoxenia* были дѣйствительными двукрылыми. Подобные примѣры, только очень рѣдко, можно находить и у высшихъ животныхъ. Кюкенталь сдѣлалъ интересное открытіе, что нѣкоторые виды китовъ въ эмбриональномъ состояніи владѣютъ зубами, а во взросломъ ихъ лишены. Съ другой стороны палеонтологическія находки показываютъ, что древнѣйшіе ископаемые киты третичнаго періода владѣли зубами. Мы отсюда не только въ правѣ, но обязаны заключать, что данный родъ китовъ произошелъ отъ зубастыхъ и теперешніе эмбриональные зубы ихъ есть только напоминаніе ихъ родовой исторіи, не имѣющіе никакой особенной біологической цѣли, такъ какъ эмбрионы китовъ также мало могутъ жевать, какъ и эмбрионы другихъ млекопитающихъ. Если бы подобныя стадіи можно было указать въ человѣческомъ развитіи, это дѣйствительно представляло бы нѣкоторое доказательство вѣроятности происхожденія человѣка по тѣлу отъ животныхъ предковъ. Но доселѣ подобныхъ явленій не замѣчено въ человѣкѣ. Указываютъ, что въ эмбриональномъ состояніи человѣкъ на нѣкоторой стадіи имѣетъ подобіе плавниковъ и жабръ, но эти образованія играютъ важную роль въ эмбрио-

нальной жизни человѣка и слѣдовательно имѣютъ прямое назначеніе безъ того, чтобы мы строили гипотезу о существованіи у насъ предковъ съ плавниками и жабрами. Если взять родъ *Legnaea*—паразитирующихъ на ракахъ веслоногихъ, то фактъ, что въ юномъ состояніи они имѣютъ видъ личинокъ головоногихъ, между тѣмъ какъ выросшая самка преобразуется въ колбасообразный яичный мѣшокъ, подсказываетъ выводъ, что паразитическій родъ *Legnaea* произошелъ отъ нѣкогда свободно жившихъ веслоногихъ, измѣнившихся впоследствии по причинѣ приспособленія къ паразитическому образу жизни. Но такихъ несомнѣнно филогенетическихъ явленій въ исторіи развитія человѣка нѣтъ.

Теперь имѣются двѣ главныя теоріи животнаго происхожденія человѣка. Одна изъ нихъ представляетъ собою лишь дальнѣйшее развитіе обезьяней теоріи Карла Фогта. Ею принимается непосредственное, прямое родство человѣка съ человѣкообразными обезьянами, такъ называемыми приматами. Такъ, напримѣръ, Фриденваль объявляетъ, что человѣкъ есть настоящая обезьяна. Другая теорія, напротивъ, исключаетъ возможность прямого родства человѣка съ нынѣшними обезьянами, она допускаетъ косвенное, отдаленное родство обоихъ, выводя ихъ изъ общей гипотетической родовой формы, которая должна была существовать въ древнетретичное или даже дочетичное время.

Васманнъ останавливается на двухъ новыхъ доводахъ въ пользу первой теоріи. Селенка открылъ, что высшія обезьяны подобно человѣку въ эмбриональномъ состояніи владѣютъ дискоидальною плацентою, между тѣмъ какъ у низшихъ обезьянъ плацента бидискоидальная. Плаценты нѣтъ у низшихъ млекопитающихъ — монотремата — однопроходныхъ и она имѣется лишь по исключенію и въ весьма несовершенномъ видѣ у сумчатыхъ такъ, что высшія млекопитающія противопологаются этимъ обоимъ подклассамъ, какъ плацентарныя. Но съ другой стороны плацента существуетъ у нѣкоторыхъ акулъ и даже у членистоногихъ, именно у американскаго *peripatus* и у индійскаго скорпіона, что утверждаетъ Полянскій. Если по плацентѣ судить о родствѣ, то плацентарныя млекопитающія, во главѣ которыхъ стоитъ человѣкъ, должны имѣть своимъ предкомъ индійскаго скорпіона.

Гансъ Фриденваль полагаетъ, что онъ открылъ прямое родство крови человѣка и приматовъ. По опытамъ Фриденваля, опытамъ, нужно замѣтить, далеко неполнымъ и несвободнымъ отъ возраженій, человѣческая кровь дѣйствовала какъ растворяющее начало на кровяные шарики павіановъ, но не дѣйствовала такъ на кровь приматовъ. Опытовъ было произведено пока немного и они давали неоднобразные результаты. Такъ кровяная сыворотка павіановъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ растворяла красные шарики человѣческой крови, въ нѣкоторыхъ—нѣтъ. Не вполне выяснено еще—безусловно ли кровяная сыворотка человѣка не растворяетъ красные шарики крови приматовъ?

Но если это и будетъ установлено, то отсюда слѣдуетъ только, что человѣческая кровь имѣетъ нѣкоторыя общія химическія свойства съ кровью человѣкообразныхъ обезьянъ и что этихъ свойствъ нѣтъ у павіановъ и другихъ позвоночныхъ. Но нельзя смѣшивать сходство химическихъ свойствъ съ тождествомъ происхожденія. По собственнымъ опытамъ Фриденваля кровь нѣкоторыхъ ракообразныхъ (*salpeter pagurus*) или трубчатыхъ червей (*Agenicola piscatorum*) не растворяетъ кровяныхъ шариковъ серебрястой чайки или крысъ. Но отсюда безусловно нельзя дѣлать вывода, что крысы происходятъ отъ трубчатыхъ червей или серебрястыя чайки отъ ракообразныхъ. Нельзя также изъ этого факта выводить происхожденіе человѣка отъ orang-утанга. Можно вѣдь аргументировать и такъ: кровь ракообразныхъ и трубчатыхъ червей не растворяетъ кровяныхъ шариковъ чайки и крысъ, раки и черви неродственны чайкамъ и крысамъ. Кровь человѣка не растворяетъ кровяныхъ шариковъ orang-утанга, слѣдовательно они неродственны между собой. Но если можно дѣлать выводы и такъ и наоборотъ, то ясно, что эти выводы имѣютъ очень малую цѣнность.

Новѣйшія ультрамикроскопическія изслѣдованія повидимому доказываютъ рѣзкое различіе между человѣческою кровью и всякимъ видомъ крови животной. Наконецъ, по опытамъ Брумпта сонная болѣзнь, причиняемая паразитомъ живущимъ въ крови, можетъ быть привита всѣмъ млекопитающимъ за исключеніемъ обезьяны и свиньи. Можно ли отсюда дѣлать выводъ, что эти животныя болѣе далеки отъ человѣка, чѣмъ другія млекопитающія?

Обезьянью теорію подрываетъ другая теорія, которую Васманнъ считаетъ болѣе допустимою. Согласно этой теоріи человѣкъ и обезьяны являются конечными членами двухъ независимыхъ родовъ развитія, которые только въ своемъ корнѣ восходятъ къ общей родовой формѣ, существовавшей вѣроятно въ третичное или даже дотретичное время. Представителемъ этой теоріи является гейдельбергскій профессоръ Клаатшъ. Эта теорія выходитъ изъ того, что образованіе тѣла человѣка и обезьянъ обнаруживаетъ два различныхъ направленія эволюціи млекопитающихъ, направленій сильно расходящихся въ ихъ конечномъ результатѣ. Въ нѣкоторомъ отношеніи обезьяны даже какъ будто бы превзошли человѣка: рука человѣка скорѣе напоминаетъ руку полуобезьянъ, чѣмъ руку антропоидовъ, и человѣческая нога особеннымъ положеніемъ своего большого пальца рѣзко отличается отъ хватательной ноги обезьянъ. Совершеннѣйшее развитіе мозга и обусловленный имъ вертикальный ходъ, связанный далѣе съ соотвѣтствующими особенностями въ строеніи конечностей, вотъ—главные моменты, которые должны быть приняты во вниманіе при обсужденіи вопроса и которые приводятъ къ заключенію, что человѣкъ тѣлесно—съ чисто зоологической точки зрѣнія—долженъ быть разсматриваемъ какъ представитель особаго порядка млекопитающихъ. Въ этомъ отношеніи и только въ этомъ Васманнъ находитъ допустимымъ тезисъ Морица Альсберга (въ сочиненіи *Die Abstammung des Menschen*. 1902), что „вообще немислимо допустить происхожденіе человѣка отъ обезьяны и что о родственныхъ отношеніяхъ между человѣкомъ и обезьяною можно говорить лишь, поскольку оба соединяются въ корнѣ общаго родословнаго дерева, которое въ концѣ концовъ одно и то же для всѣхъ млекопитающихъ“.

Но эта теорія вызываетъ много возраженій.

Во-первыхъ. Гипотетическая родовая форма человѣка и обезьянъ, жившая въ древне-третичное или дотретичное время, есть лишь простой продуктъ творческаго воображенія. Свойства, приписываемыя этой формѣ такъ неопредѣленны, спутанны, частію противорѣчивы, что этого предка людей и обезьянъ можно считать просто за *universale a parte*, не способнаго къ реальному существованію. Ранке на антро-

пологическомъ конгрессѣ въ Линдау 1899 г. сказалъ объ этомъ предкѣ, созданномъ воображеніемъ Клаатша, это—фантазія, а не наука.

Во-вторыхъ. Въ вопросѣ о происхожденіи человѣка учить не только сравнительная морфологія, но рѣшительное слово принадлежитъ палеонтологіи. У этой послѣдней науки мы должны освѣдомиться, что она можетъ сообщить о предкахъ человѣка на основаніи своихъ ископаемыхъ памятниковъ. И чѣмъ далѣе въ раннѣйшіе періоды земной исторіи отодвигаемъ мы общую родовую форму человѣка и теперешнихъ обезьянъ, тѣмъ болѣе палеонтологія должна намъ показать промежуточныхъ звеньевъ между этой родовой формой и нынѣ живущими крайними представителями обоихъ родовъ. Въ уста палеонтологіи Васманнъ влагаетъ такой отвѣтъ. Мы знаемъ очень богатое видами родословное дерево теперешнихъ обезьянъ, идущее отъ древнѣйшаго третичнаго періода до настоящаго времени, Grundzüge der Paläontologie насчитываютъ не менѣе 30 родовъ ископаемыхъ обезьянъ и 18 родовъ обезьянъ на протяженіи отъ эоцена до диллювіальнаго времени, но между предполагаемою родовой формой и теперешнимъ человѣкомъ не найдено никакого промежуточнаго звена. Вся гипотетическая родословная человѣка не знаетъ ни одного ископаемаго рода, ни одного ископаемаго вида.

Представляютъ отдѣльные доказательства животнаго происхожденія человѣка. На первомъ мѣстѣ здѣсь поставляется *Pithecanthropus erectus* изъ Явы. Нашедшій его Дюбуа полагаетъ, что онъ не человѣкъ и не обезьяна, но промежуточное звено между ними. Вирховъ на лейденскомъ конгрессѣ 1895 г., гдѣ онъ былъ почетнымъ президентомъ, выяснилъ, что нельзя съ увѣренностью утверждать, будто найденныя кости принадлежатъ одному индивидууму и что еще менѣе можно рѣшить—былъ ли этотъ индивидуумъ человѣкомъ или обезьяной: бедряная кость говоритъ какъ будто за человѣка, черепная покрывка—за обезьяну. Только въ случаѣ если бы былъ найденъ полный скелетъ *Pithecanthropus* можно бы было произнести рѣшительное сужденіе о его положеніи въ зоологической систематикѣ. Это разсужденіе Вирхова сохраняетъ всю свою силу доннынѣ.

Къ этому должно прибавить слѣдующее. Иванскій пите-

кантропъ жилъ повидимому или въ древне-дильювіальный или въ новѣйшій третичный періодъ, но по теоріи человѣкъ и обезьяны должны были разойтись раньше. Затѣмъ питекантропъ по нѣкоторымъ своимъ свойствамъ дѣйствительно представляетъ какъ бы промежуточное звено между человѣкомъ и обезьяной, но по другимъ свойствамъ онъ является какъ бы промежуточнымъ звеномъ между высшими и низшими обезьянами настоящаго времени. На это обратилъ вниманіе профессоръ Швальбе, самъ заинтересованный въ отысканіи доказательствъ животнаго происхожденія человѣка. Теперь больше склоняются къ тому, чтобы видѣть въ питекантропѣ боковую вѣтвь рода обезьянъ. Его нужно помѣщать не въ ряду предковъ человѣка, а въ ряду предковъ современныхъ обезьянъ. Рихардъ Гертвигъ склоняется къ выводу, что скорѣе всего останки Яванскаго скелета принадлежатъ вымершей гиббонообразной обезьянѣ, отличающейся отъ современныхъ необыкновенною величиною и громадною емкостью черепа, заставляющей предполагать относительно большой мозгъ. Точно также Макнамара пришелъ къ заключенію, что питекантропъ есть чистая обезьяна большой величины. Онъ при помощи методовъ измѣренія Швальбе произвелъ сравненіе Яванскаго черепа съ черепомъ чимпанзе. Оказалось, что они различаются между собою почти лишь величиною, но не формой.

Но Pithecanthropus не стоитъ одиноко, въ неандертальскомъ человѣкѣ онъ нашелъ своего юнѣйшаго молочнаго брата, о которомъ говорятъ, что онъ не долженъ считаться ни настоящимъ человѣкомъ, ни настоящею обезьяною, но промежуточнымъ звеномъ между обоими. Честь этого открытія принадлежитъ страсбургскому профессору Швальбе. Геній Швальбе, вызываетъ удивленіе тѣмъ, что ему удалось къ одинадцати существующимъ мнѣніямъ относительно неандертальскаго человѣка прибавить двѣнадцатое. Но цѣнность этого взгляда колеблется, разъ ему противопоставятъ другіе взгляды. Неандертальца считали то идиотомъ, то монгольскимъ казакомъ, то древнимъ германцемъ, древнимъ голландцемъ, древнимъ фризомъ, кузеномъ австралійскаго негра, примитивнымъ первочеловѣкомъ, примитивнымъ обезьяночеловѣкомъ. Эта научная судьба остатковъ неандертальскаго скелета показываетъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ

много значущихъ находокъ, изъ которыхъ каждый изслѣдователь извлекаетъ то, что ему нравится. Было бы преступно на основаніи подобныхъ находокъ заявлять, что теперь найдено связующее звено между обезьяною и человѣкомъ.

Затруднительность дѣла опредѣленія неандертальской находки становится еще большею вслѣдствіе того, что невозможно опредѣлить ея геологическій возрастъ. Раффъ подчеркнулъ, что никакой компетентный изслѣдователь не видалъ неандертальскаго скелета въ его первоначальномъ положеніи. Когда Фюльротъ, открывшій его, пришелъ на мѣсто находки, рабочіе уже вынули глину съ костями и помѣстили у подножія скалы. Уже Вирховъ отмѣтилъ, что никто не видалъ—помѣщались ли кости въ дилювіальной глинѣ. А вся слава неандертальскаго черепа обуславливалась тѣмъ, что о немъ сначала утвердилось мнѣніе, будто онъ лежалъ въ дилювіальной глинѣ, которая образовалась ко времени древнихъ млекопитающихъ. Знаменитый неандерталецъ могъ быть гораздо новѣйшаго происхожденія, чѣмъ дилювіальная глина пещеры, въ которой лежалъ: онъ могъ быть погребенъ въ ней поздыѣ. Съ этимъ падаютъ всѣ утвержденія относительно значенія черепа для теории развитія.

Для полнѣйшаго выясненія взглядовъ Швальбе на неандертальскаго человѣка должно еще замѣтить, что Швальбе совершенно не допускаетъ прямого родства между питекантропомъ и неандертальскимъ первочеловѣкомъ. Первый представляетъ собою боковую вѣтвь рода обезьянъ, послѣдній—дѣйствительнаго предка современнаго человѣка. Клаатшъ и вмѣстѣ съ нимъ многіе другіе антропологи хотятъ поставить неандертальскаго человѣка только въ нѣкоторую параллель съ питекантропомъ. Неандертальскій человѣкъ, по ихъ мнѣнію, будучи представителемъ первочеловѣческой формы, не былъ ни теперешнимъ человѣкомъ, ни теперешнею обезьяною, но въ нѣкоторомъ отношеніи онъ напоминаетъ еще ниже стоящаго питекантропа, только принадлежащаго совсѣмъ къ другой вѣтви. Это возрѣніе само по себѣ довольно невинно, хотя то положеніе Швальбе, что неандерталецъ не былъ существомъ принадлежащимъ къ роду homo, но промежуточное звено между этимъ родомъ и гипотетическими животными предшественниками, считаемъ совершенно неудачнымъ и рѣшительно отвергаемъ изъ естественно-науч-

ныхъ соображеній. Вирховъ показалъ, что теперь нѣкоторые фризы, будучи людьми въ полномъ смыслѣ слова, имѣютъ черепъ неандертальской формы.

Мы можемъ спокойно смотрѣть на будущее. Если будетъ установлено, что доисторическій скелетъ изъ Спи, полетская челюсть, десять доисторическихъ скелетовъ найденныхъ около Аграма въ Кроаціи дѣйствительно имѣютъ характеристическіе признаки, принадлежашіе неандертальскому черепу, то намъ должно будетъ признать въ неандертальцѣ и его современникахъ не животноподобныхъ предшественниковъ людей, а особую древнюю доисторическую расу. Отступленія у этой расы отъ теперешняго типа homo, именно сильнѣйшее развитіе нижней челюсти, удовлетворительно объясняются приспособленіемъ къ условіямъ тогдашняго существованія. Человѣкъ вель тогда жестокою борьбу за существованіе. Его челюсть была нужна ему, чтобы ѣсть свой жесткій хлѣбъ и разгрызать крѣпчайшіе орѣхи, тогда какъ у его потомковъ вслѣдствіе болѣе благоприятныхъ условій существованія образовалась челюсть нѣжнѣе и слабѣе. Такъ въ неандертальскомъ первочеловѣкѣ теорія животнаго происхожденія чело-вѣчества не нашла ничего.

Теперь Швальбе не говоритъ уже, что неандерталецъ—особенный родъ человѣка, онъ видитъ въ немъ нѣкоторый особенный видъ, называемый homo primigenius. Но это выдѣленіе людей неандертальскаго типа въ особый видъ недопустимо. Это—очень обыкновенный типъ, который мы находимъ теперь въ деградировавшихъ чело-вѣческихъ расахъ, наприм., у австралійцевъ. Горячій приверженецъ Швальбе Макнамара совершенно разрушилъ его гипотетическую постройку, показавъ, что у австралійцевъ и тасманцевъ имѣется та форма черепа, которою, говорятъ, характеризуется homo primigenius.

Когда профессоръ Бранко, директоръ геологическо-палеонтологическаго института берлинскаго университета держалъ заключительную рѣчь „Искапаемый человѣкъ“ на V международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ 16 августа 1901 г., его слушатели зоологи съ крайнимъ интересомъ ожидали воспринять взгляды этого специалиста относительно палеонтологическихъ основаній животнаго происхожденія человѣка. Питавшіе дарвинистическія надежды скоро уви-

дѣли себя разочарованными. Рѣчь Бранко оказалась направленною противъ разсужденій Геккеля (26 августа 1898 г. на IV международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Кембриджѣ) „о нашихъ настоящихъ знаніяхъ относительно происхожденія человѣка“.

Главное положеніе рѣчи Бранко формулировалось такъ: человѣкъ является передъ нами въ земной исторіи по истинѣ, какъ *homo novus*, а не какъ потомокъ раннѣйшихъ родовъ. Между тѣмъ какъ большая часть млекопитающихъ настоящаго времени, оказывается, имѣеть длинные ряды предковъ въ третичное время, человѣкъ является прямо и внезапно въ дилювіальную эпоху такъ, что мы ничего не знаемъ о его третичныхъ предшественникахъ. Третичнаго человѣка нѣтъ, а слѣды его дѣятельности въ третичное время имѣють сомнительную природу. Напротивъ, остатковъ дилювіальнаго человѣка много, но дилювіальный человѣкъ выступаетъ какъ совершенный *homo sapiens*. Очень многіе изъ этихъ древнѣйшихъ людей владѣли черепомъ, которымъ могъ бы гордиться каждый изъ насъ. Они также не имѣли ни длинныхъ обезьяноподобныхъ рукъ, ни обезьяноподобныхъ зубовъ. Нѣтъ, дилювіальный человѣкъ по всякой оцѣнкѣ былъ дѣйствительнымъ человѣкомъ.

Какъ на единственное исключеніе изъ этихъ фактовъ Бранко указалъ на неандертальскій черепъ и на скелетъ изъ Спи, но эти исключенія, прибавилъ онъ, слишкомъ спорной и темной природы такъ, что они не могутъ измѣнить выводовъ изъ вышеуказанныхъ фактовъ. Притомъ подобныя исключенія довольно часто встрѣчаются и теперь, на что обратили вниманіе Вирховъ и Ранке.

Отсюда на вопросъ: кто былъ предкомъ человѣка, Бранко даетъ слѣдующій чисто научный отвѣтъ: *палеонтологія ничего не знаетъ объ этомъ, она не знаетъ предковъ человѣка*. Въ этомъ положеніи заключается квинтэссенція всей бранковской рѣчи.

Но къ этому чисто научному содержанію Бранко сдѣлалъ спекулятивную прибавку, въ которой высказалъ свое личное воззрѣніе, что человѣкъ по зоологическимъ основаніямъ, между которыми фридендалевское открытіе „родства“ крови у человѣка и приматовъ занимаетъ первое мѣсто, долженъ быть разсматриваемъ только какъ высоко развитое живот-

ное. Этому ненужно удивляться. Бранко говорилъ передъ зоологами, которые въ большей части привыкли судить о человѣкѣ чисто зоологически. Во всякомъ случаѣ приходится отмѣтить противоположность между научнымъ туловищемъ бранковскаго реферата и его десцендентно теоретическимъ хвостомъ. Въ первомъ Бранко говорилъ какъ специалистъ палеонтологіи, и пришелъ къ заключенію: мы не знаемъ предковъ человѣка; въ послѣднемъ онъ, не будучи специалистомъ, къ ослабленію того содержанія прибавилъ: не смотря на это, мы по чисто зоологическимъ основаніямъ должны вѣрить въ происхожденіе человѣка отъ обезьяны.

Свое разсужденіе Васманнъ заключаетъ такъ: „нашъ окончательный приговоръ о научныхъ доказательствахъ животнаго происхожденія человѣка вмѣстѣ съ Ранке мы можемъ выразить въ слѣдующемъ положеніи: съ достоинствомъ науки согласно лишь одно—сказать, что она ничего не знаетъ о происхожденіи человѣка“.

С. Глаголсвъ.

(Продолженіе будетъ).
